

Т.В.Игошева

ДВЕ ДУШИ: МИФОЛОГЕМА ДУШИ В СТАТЬЕ А.БЛОКА «ДУША ПИСАТЕЛЯ» И СТИХОТВОРЕНИИ В ПРОЗЕ И.Ф.АННЕНСКОГО «МОЯ ДУША»

Рассматривается смысловое наполнение важной для модернизма мифологемы души у двух крупнейших его представителей — А.А.Блока и И.Ф.Анненского. Исследование проводится на материале статьи Блока «Душа писателя» (1909) и стихотворения в прозе Анненского «Моя душа» (1908). Исходная ситуация для обоих поэтов общая — замкнутость персональной души писателя. Между тем при внешнем сходстве предмета осмысления в публикации выявляется прежде всего различия в понимании «души» творца и способа преодоления замкнутости персональной писательской души двумя писателями. Анализ показал, что блоковская трактовка мифологемы души соотнесена с его основным авторским мифом о Мировой Душе, в слиянии с которой ему видится драмы индивидуализма. Лишь улавливая ее космические ритмы, душа писателя, по Блоку, способна обрести подлинный «путь». В отличие от Блока мифологему души Анненский рассматривает в системе нравственно-психологических координат, что подтверждается выделенным мотивом страдания души. Разрешение муки и внутренней, и внешней для Анненского возможно не метафизически (как для Блока), а лишь эстетически, творчески.

Ключевые слова: А.А.Блок, И.Ф.Анненский, мифологема «душа писателя», преодоление индивидуализма, авторский миф, эстетизм

Специфику художественного мира или отдельных элементов такового того или иного писателя невозможно понять имманентно: необходимо как сравнение с исканиями других авторов той же эпохи, так и сопоставление с предшественниками. Особенно это касается ситуации, когда разные авторы обращаются к одной и той же мифологеме. Одним из немногочисленных моментов, сближающих, в общем-то, очень разных поэтов начала XX в. — Анненского и Блока, — является их стремление художественного воссоздания образа души (а в случае Блока — дополнительно еще и категории-символа души) в контексте персонального авторского мифа каждого из поэтов. В творческом наследии Блока и Анненского имеются тексты, специально посвященные этой теме. В этот же ряд необходимо поставить и эссе «Anima» Вяч.Иванова, прекрасный анализ которого представлен в работе С.Д.Титаренко [1, с. 362-378]. Между тем произведения Анненского и Блока почти не привлекали к себе самостоятельного внимания. В данной статье речь будет идти о произведениях, созданных практически одновременно: стихотворении в прозе И.Ф.Анненского «Моя душа», впервые опубликованном в 1908 г. [2], и статье А.Блока «Душа писателя», увидевшей свет в 1909 г. [3].

Оба текста посвящены воссозданию образа человеческой души, творчески преломляющей впечатления жизни. В связи с этим небезынтересно сопоставить представления о душе писателя, принадлежащие двум поэтам-современникам и облеченное в форму художественного высказывания. Оба текста выстраиваются вокруг ключевого для обоих поэтов переживания мучительной жизни поэта. В обоих текстах душа поэта стремится преодолеть собственные пределы. Но причины этому и пути преодоления замкнутости — настолько разные, что о каждом тексте необходимо говорить отдельно.

В статье Блока развивается несколько сюжетно-тематических комплексов. Первая тема формируется и разворачивается относительно блоковской мысли о том, что современный человек (прежде всего современный писатель) «утратил ритм» («полная потеря ритма» [4, с. 370], — как отмечал Блок в черновом наброске к статье). И далее по тексту: для писателя «всего опаснее — утрата этого ритма» [4, с. 370]. Оценка Блоком писательской судьбы как «трудной и жуткой» [4, с. 367] связана именно с ее «утратой ритма». Поэтому прежде всего нужно понять смысл этого выражения.

Выражениями «утрата ритма», «полная потеря ритма» Блок констатирует: душа современного творческого человека находится в состоянии изолированности: она не видит, не слышит той «подлинной реальности», которая для Блока имеет не физическую, а метафизическую природу. Однако этот утраченный писательской душой «ритм» продолжает существовать в глубине народной стихийной жизни (мысль — чрезвычайной важности у Блока, которая будет у него звучать вплоть до «Крушения гуманизма», статьи, написанной в 1919 г.).

Поэтому для того, чтобы преодолеть имеющуюся изолированность души, писатель должен обрести утраченный ритм. «Обрести ритм», на символическом языке Блока, — значит, подключиться к метафизической основе бытия. Должно произойти слияние индивидуальной души с Душой Мировой. «Ритм», о котором рассуждает Блок в начале своей статьи, — необходимо понимать как космический ритм бытия Мировой Души. Блок также уверен, что народная стихия существует в ритмическом согласии с Мировой Душой. И более того, народная душа является особой формой Мировой Души. Поэтому писатель у Блока должен сверять состояние собственной души с «легким дуновением души народной», «коллективной души» народа, «чудодейственным дуновением всеобщей души» [4, с. 367]. Это дуновение народной души — «высшая санкция» для писателя. Лишь уловив эту «ритмическую волну», исходящую от «коллективной», «всеобщей народной души», которую Блок понимает как одну из форм бытия Мировой Души, писатель сможет преодолеть трагическую замкнутость собственного индивидуализма и субъективизма.

Второй сюжетно-тематический комплекс логически продолжает первый и формируется вокруг системы блоковских мыслей, связанных с важным для него концептом пути, «чувства пути» писателя. Соединяющим звеном между первым и вторым сюжетно-тематическими комплексами становится выражение «стать больше себя». Блок отмечает, что в современности «есть много талантливых писателей и нет ни одного, который был бы “больше себя”».

С одной стороны, «стать больше себя», на языке Блока, значит, не только уловить космический ритм, но и слиться с ним — жить и творить в согласии с волнами этого мирового ритма. С другой стороны, «стать больше себя» — значит, обрести «чувство пути» [5]. И таким образом категории-символы *ритма* и *пути* в блоковской статье вступают в диалектическое взаимодействие, взаимообуславливая друг друга: «Только наличием *пути*, — рассуждает Блок, — определяется внутренний “такт” писателя, его ритм» [4, с. 370].

Выстроившаяся в статье цепочка блоковских категорий-символов: *народная душа* — *ритм* — *чувство пути* на новом витке развития авторской мысли, живущей приращиванием новых расширяющихся смыслов, дополняется символическим понятием — «“мировой оркестр” души народной» [4, с. 371]. Понятия-символы «ритм», «такт», «музыка», «мировой оркестр» в блоковской статье являются характеристиками «коллективной», «всеобщей» души, с которой стремится соединиться «отпавшая» от жизни Мировой Души персональная душа писателя. (Напомним; ключевое для понимания этого момента блоковского мировоззрения высказывание из его статьи «Рыцарь-монах», 1910 г.: «Наши души причастны — Мировой» [6, с. 454]). Поэтому стремящийся преодолеть отдельность существования собственной персональной души писатель должен прислушиваться к неслышимой обычным физическим слухом мировой музыке. Как писал сам Блок: «Неустанное напряжение внутреннего слуха, прислушивание как бы к отдаленной музыке есть непереносимое условие писательского бытия. Только слыша музыку отдаленного “оркестра” (который и есть “мировой оркестр” души народной), можно позволить себе легкую “игру”» [4, с. 371].

Всё образно-мотивное наполнение сюжетно-тематического комплекса блоковской мифопоэтической картины мира, в центре которого находится представление о народной душе, за которым угадывается ключевое для Блока понятие Мировой Души, тяготеет к «верху» умозрительной космической оси.

Третья тема разрабатывается относительно имманентной природы души писателя, безотносительно к ритму, пути, мировому оркестру души народной. Вместе с тем образ души писателя формируется с привлечением таких важных мифологем, как «земля», «почва», «подземный мир». Отсюда — и образ души писателя как растения, укорененного в земле.

«Писатель — растение многолетнее, пишет Блок. — Как у ириса или лилии росту стеблей и листьев сопутствует периодическое развитие корневых клубней, — так душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его — только внешние результаты подземного роста души» [4, с. 369-370]. И далее: «Как ирис и лилия требуют постоянного удобрения почвы подземного брожения и гниения, так писатель может жить, только питаясь брожением среды» [4, с. 370]. Но при этом, как отмечает Блок, «нет ничего легче, как потерять почву...» [4, с. 370].

Представление о «пути писателя» у Блока связано не только с необходимостью уловить им космические ритмы «мирового оркестра» — народной и Мировой Души, но и с мотивом «подземного роста души». Поскольку «душа писателя расширяется и развивается периодами», — отмечает Блок, — постольку путь развития писателя «может представляться прямым только в перспективе, следуя же за писателем по всем этапам пути, не ощущаешь этой прямизны и неуклонности, вследствие постоянных остановок и искривлений» [4, с. 370].

Таким образом, анализ структуры представлений Блока о душе, отраженных в его статье «Душа писателя», приводит к выводу о том, что разработка этого образа-понятия ведется Блоком в мифопоэтической системе координат. И стремится к мифопоэтическому оформлению в космическую вертикаль, которая традиционно маркирует три зоны: верхний (небесный) мир, нижний (подземный) и средний — земной. В статье «Душа писателя» от-refлексированы все три зоны: 1) душа писателя расширяется и развивается будучи невидимой как луковица многолетнего растения в почве, под землей (это мифопоэтический «низ»); 2) душа тянется выйти за пределы своей замкнутости и слиться с ритмами мирового оркестра — народной и мировой души (это мифопоэтический «верх»); 3) «путь писателя» (мифопоэтическая «середина») обусловлен как низом, так и верхом названной оси. Поэтому писатель обретает путь только в том случае, когда «не потеряна почва» и когда «не утрачен ритм». А смысловое наполнение понятия душа писателя у Блока возникает относительно полярно противоположных понятий «почва» и «дуновение» (дух, душа, Мировая Душа). При этом собственное представление о взаимоотношении души писателя с «почвой» и «космическим верхом» Блок стремится оформить как некую объективную картину мира, которая открылась автору в его гносеологическом, познавательном устремлении.

Стихотворение в прозе «Моя душа» Анненского, напротив, представляет собой художественную структуру, которая направлена на то, чтобы у читателя не возникало ни тени сомнения, что перед ним предельно субъективное высказывание. Ни акта познания, ни акта самопознания в «Моей душе» Анненского, собственно говоря, нет. Передать не понимание, а состояние собственной души: не мысли о душе, а страдающее чувство собственной души — задача автора стихотворения в прозе. Поэтому и начинается текст Анненского с изображения пограничного состояния сна [7; 8, с. 120-149], в котором находится субъект лирического описания. «Я спал, но мне было душно, потому что солнце уже пекло меня через штемпелеванную

занавеску моей каюты. Я спал, но я — уже чувствовал, как нестерпимо горячи становятся красные волосики плюшевого ворса на этом мучительно неизбежном паровом диване. Я спал и не спал. Я видел во сне собственную душу» [2].

Пограничное положение между явью и сном («Я спал и не спал») вводит в текст излюбленную Анненским ситуацию, когда поэт ощущает себя между «я» и «не-я» (например, знаменитое стихотворение «Двойник» Анненского: «Не я, и не он, и не ты, / И то же, что я, и не то же...» [9, с. 33]). Эта ситуация — поле, богатое возможностями для художественных построений как принципа «непрямого говорения». Сон в мифопоэтике — ситуация, когда душа способна покидать тело своего хозяина и обретать самостоятельное (неподконтрольное разуму) бытие. Эту неподконтрольность Анненский понимает в качестве характера и условия современного лиризма: «...душа поэта, его я кажутся теперь несравненно менее согласованными с его сознанием и подчиненными его воле», — сказано в «Бальмонте-лирике» [10, с. 108].

В начале стихотворения в прозе Анненского душа как бы отделяется, становится «не-я» по отношению к субъекту, ведущему лирическое описание, а после двух сновидческих эпизодов возвращается к хозяину: «Моя душа была уже здесь, со мной, робкая и покладливая, и я додумывал свои сны».

В рамках этого представления спящий у Анненского видит душу, обретающую сначала антропоморфные, а затем предметные черты. Душа в тексте Анненского воплотилась не в чужом теле, другой оболочке, а обрела как бы объективированные формы выражения. Сновидческие образы, описанные в «Моей душе», обладают не иррациональным, метафизическим (как у Блока) а аллегорическим и метафорическим характером. Таких сновидческих эпизодов — три.

Первое узнавание-отождествление у Анненского: «Я узнал свою душу в старом персе. Это был носильщик» [2]. Далее следует портрет этого перса: убедительный и пластично достоверный:

«Голый по пояс и по пояс шафранно-бронзовый, он тащил какой-то мягкий и страшный, удушливый своей громадностью тюк — вату, что ли, — тащил его сначала по неровным камням ската, потом по гибким мосткам, а внизу бессильно плескалась мутно-желтая и тошнотно-теплая Волга, и там плавали жирные радужные пятна мазута, точно расплюснутые мыльные пузыри. На лбу носильщика возле самой веревки, его перетянувшей, налилась сизая жила, с которой сочился пот, и больно глядеть было, как на правой руке старика, еще сильной, но дрожащей от натуги, синяя, напряжился мускул, где уже прорезывались с мучением кристаллы соляных отложений» [2].

Анненский стремится показать душу «извне» как материализованный объект. Поэтому у него происходит отчуждение души от своего субъективного личностного начала и его слияние с каким-то внешним объектом.

В сближении столь разных объектов: души и перса-носильщика задействован механизм метафоры, точкой схождения здесь является *мотив страдания и мучения*. Душа в облике перса предстает у Анненского — страдающей. И в то же время душа — сострадающая как принадлежащая лирическому субъекту, которому снится душа-перс.

То есть, в самой языковой структуре прозаического стихотворения Анненского воплощается неназванная прямо, но существенная для смысловой организации текста оппозиция «я» и «не-я». Душа как бы двоится; она — и перс и не перс одновременно. Итоговое предложение в портретировании перса следующее: «Он был еще строен, этот шафранно-золотистый перс, еще картинно-красив, но уже весь и навсегда *не свой*». Ключевым словом здесь является «не свой».

«Не свой» — как следует из вышеприведенного описания — значит не принадлежащий себе, перс-носильщик находится во власти окружающего мира: «масляно-чадного солнца, угарной трубы, и раскаленного парашета, весь во власти этой грязно-парной Волги» [2]. Но так как перс — это еще и объективация души, то душа тоже находится во власти, как пишет Анненский, «у моего плюшевого дивана, и даже у моего размазанного тела, которое никак не могло, сцепленное грезой, расстаться с его жарким ворсом...» [2]. Чему посвящено описание: персу или душе? И тому и другому одновременно: и «я» и «не я», мучительной сцепленности души с миром, где имеющая нематериальную природу душа страдает от грубости мира.

Вторым сновидческим образом души является «пожилая девушка, обесчещенная и беременная». «И опять-таки вся она — была *не своя*. Только кроме власти пьяных матросов и голода, над ней была еще одна странная власть. Ею владел тот еще не существующий человек, который фатально рос в ней с каждым ее неуклюжим шагом, с каждым биением ее тяжело дышавшего сердца» [2]. К мотиву страдания, который присутствовал уже при описании перса, здесь добавляется мотив *вынашивания*. В отношении к беременной — ребенка, а в отношении к душе — будущего произведения, с которым душа внутренне сцеплена. Причем этот мотив вынашивания подготовлен уже первым сновидческим эпизодом, поскольку перс тоже *носит*, он носильщик. Однако, в отличие от беременной девушки, у перса ноша — внешняя, которую он время от времени сбрасывает.

В обоих случаях (перс и беременная) Анненский выстраивает описание в соответствии с собственным представлением об «ужасе жизни, который исходит из ее реальных воздействий» и о «подневольном участии в жизни» [2]. Сама «подневольность» и многообразные воздействия жизни мучительны для души поэта, но они же являются и источником его поэзии.

Вместе с тем сами объекты (перс и беременная), которые во сне становятся образами-аллегориями, образами-метафорами, за пределами сна лирического субъекта вовсе не ощущают тех страданий, которыми они

наделены в пространстве сна. В тексте сказано: «Носильщик-перс... О нет же, нет... Глядите: завидно горделиво он растянулся на припеке и жует что-то, огурцы или арбузы, что-то сочное, жует, а сам скалит зубы синему призраку холеры, который уже давно высматривает его из-за горы тюков с облипшими их клочьями серой ваты.

Глядите: и та беременная, она улыбается, ну право же, она кокетничает с тем самым матросом, который не дальше как сегодня ночью исполосовал кулачищем ее бумажно-белую спину» [2].

Сон и сновидение трансформируют, пересоздают образы, захваченные из реальности. И в этом новом контексте поэт ощущает страдание и перса, и беременной гораздо острее их самих. В «Господине Прохарчине» у Анненского сказано: «И никогда бы не понял Прохарчин, как близко поставил его этот горячечный сон не только ко всему страдающему, но и поэту, который воплощает и осмысляет эти муки» [11, с. 33]. Условиями поэтического здесь названы: близость, слияние со всем страдающим и воплощение этого чувства в художественной форме. Процесс слияния со страдающим миром и его воплощение в слове и являются содержанием стихотворения в прозе Анненского. Однако вместе с тем жизнь оказывается богаче и многогранней односторонней способности поэтической души воспринимать мир страдающим. У Анненского об этом сказано так: «Нет, символы, вы еще слишком ярки для моей тусклой подруги» [2]. «Тусклая подруга» здесь — душа, а слишком яркие символы — образы перса и беременной девушки.

Отказ от слишком ярких символов влечет за собой третий образ-метафору, которая увидена лирическим субъектом не во сне, а в реальности, на палубе парохода: «Вот она, моя старая, моя чужая, моя складная душа. Видите вы этот пустой парусиновый мешок, который вы двадцать раз толкнете ногой, пробираясь по палубе на нос парохода мимо жаркой дверцы с звучной надписью «граманжа».

Она отдыхает теперь, эта душа, и набирается впечатлений: она называет это созерцать, когда вы ее топчете. Погодите, придет росистая ночь, в небе будут гореть яркие июльские звезды. Придет и человек — может быть, это будет носильщик, может быть, просто вор; пришелец напихает ее всяким добром, — и она, этот мешок, раздуется, она покорно сформируется по тому скарбу, который должны потащить в ее недрах на скользкую от росы гору вплоть до молчаливого черного обоза... А там с зарею заскрипят возы, и долго, долго душа будет в дороге, и будет она грезить, а грезя, покорно колотиться по грязным рытвинам никогда не просыхающего чернозема...» [2].

И далее описывается судьба мешка-души: от рождения (его торопливо сметала беременная мать) через страдания жизни до момента, когда она попадет «на двузубую вилку тряпичника» [2].

Каданс «Моей души» Анненского — сведение центральных мотивов воедино: «А ведь этот мешок был душою поэта — и вся вина этой души заключалась только в том, что кто-то и где-то осудил ее жить чужими жизнями, жить всяким дразгом и скарбом, которым воровски напихивала его жизнь, жить и даже не замечать при этом, что ее в то же самое время изнашивает собственная, уже ни с кем не делимая мука» [2].

Здесь наиболее прозрачно сказано, в чем именно заключается мука души поэта. Она вытекает из самой пограничной природы души, которая, с одной стороны, осознает собственную замкнутую имманентную ценность, а с другой стороны, стремится выйти за пределы своей замкнутости навстречу страдающему миру. Без этого, по Анненскому, не может существовать поэзия. В статье «Что такое поэзия», анализируя «мистическую печаль» Ш.Бодлера, Анненский сформулировал: у него «мелькает тоскующая душа поэта, и желая, и боясь быть разгаданной, ища единения со всем миром и вместе с тем невольно тоскуя о своем потревоженном одиночестве» [12, с. 205].

А в статье «Бальмонт-лирик», описывая мирозерцание современного поэта-лирика, Анненский рассуждает о таком «я», «которое хотело бы стать целым миром, раствориться, разлиться в нем» [10, с. 103]. С другой стороны, это «я» замучено сознанием «своего безысходного одиночества, неизбежного конца и бесцельности существования» [10, с. 102].

Метафизический выход из замкнутости персональной души писателя для Блока, видевшего в слиянии души отдельного человека с всеобщей, объединяющей весь универсум Мировой Душой, единственный способ «преодоления индивидуализма», средство «стать больше себя», Анненскому не представлялся убедительным. Поскольку пограничное состояние души между миром внутренним и внешним, между сном и явью, между «я» и «не-я» понимается и ощущается Анненским как *двойное страдание* и двойная мука «разорвано-слитного я». Его душа непреодолимо мучается своим одиночеством, замкнутостью, но и выход за собственные границы — тоже мучение, поскольку там, снаружи «ужас жизни». Разрешение муки и внутренней и внешней для Анненского возможно не метафизически (как для Блока), а эстетически, поскольку мучительная судьба поэта — претворять ужас жизни в поэзию, или, говоря словами Анненского, «добыть красоты мыслью и страданием».

1. Титаренко С.Д. «Фауст нашего века»: Мифопоэтика Вячеслава Иванова. СПб.: Издательский Дом «Петрополис», 2012. 654 с.
2. Анненский И.Ф. Моя душа // Белый камень. 1908. № 1. С. 65.
3. Блок А.А. Душа писателя // Слово. 1909. 28 февраля. № 59. С. 10.
4. Блок А.А. Душа писателя // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 376-371.
5. Максимов Д.Е. Идея «пути» в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Сов. писатель, 1981. С. 6-151.
6. Блок А.А. Рыцарь-монах // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 446-454.

7. Налегач Н.В. Сон в лирике И.Ф.Анненского // Материалы к словарю сюжетов русской литературы. Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе. Сб. науч. трудов. Новосибирск: [Б.и.], 2012. С. 101-110.
8. Козубовская Г.П. Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика. Барнаул: АлтГПА, 2011. 318 с.
9. Анненский И.Ф. Избранные произведения. Л.: Художественная литература, 1988. 734 с.
10. Анненский И.Ф. Бальмонт-лирик // Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 93-122.
11. Анненский И.Ф. Господин Прохарчин // Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 24-35.
12. Анненский И.Ф. Что такое поэзия? // Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 201-206.

References

1. Titarenko S.D. "Faust nashego veka": Mifopoetika Vyacheslava Ivanova ["Faust of our century": Mythopoeitics of Vyacheslav Ivanov]. St. Petersburg, 2012, 654 p.
2. Annenskiy I.F. Moya dusha [My Soul]. Belyy kamen', 1908, no. 1, p. 65.
3. Blok A.A. Dusha pisatelya [The soul of the writer]. Slovo, 1909, 28 February, no. 59, p. 10.
4. Blok A.A. Dusha pisatelya [The soul of the writer]. In: Blok A.A. Collected works in 8 vols, vol. 5. Moscow; Leningrad, 1962, pp. 376-371.
5. Maksimov D.E. Ideya "puti" v poeticheskom mire A.I.Bloka [The idea of the "path" in the poetic world of A.Blok]. Maksimov D.E. Poeziya i proza A.I.Bloka. Leningrad, 1981, pp. 6-151.
6. Blok A.A. Rycar'-monah [Monk-knight]. In: Blok A.A. Collected works in 8 vols, vol. 5. Moscow; Leningrad, 1962, pp. 446-454.
7. Nalegach N.V. Son v lirike I.F.Annenskogo [Dream in the lyrics of I.F.Annenskiy]. In: Coll of papers "Materialy k slovaryu syuzhetov russkoy literatury. Liricheskie i jepicheskie sjuzhety i motivy v russkoj literature". Novosibirsk, 2012, pp. 101-110.
8. Kozubovskaya G.P. Rubezh XIX–XX vekov: mif i mifopoetika [Frontier of the XIX–XX centuries: myth and mythopoeitics]. Barnaul, 2011. 318 p.
9. Annenskiy I.F. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Leningrad, 1988. 734 p.
10. Annenskiy I.F. Bal'mont-lirichesk [Balmont-lyricist]. In: Annenskiy I.F. Knigi otrazheniy. Moscow, 1979, pp. 93-122.
11. Annenskiy I.F. Gospodin Prokharchin [Mr. Prokharchin]. In: Annenskiy I.F. Knigi otrazheniy. Moscow, 1979, pp. 24-35.
12. Annenskiy I.F. Chto takoe poeziya? [What is poetry?]. In: Annenskiy I.F. Knigi otrazheniy. Moscow, 1979, pp. 201-206.

Igosheva T.V. Two souls: the soul mythologem in A.A.Blok's article "The Soul of the Writer" and I.F.Annenskiy's prose poem "My Soul". The article considers the semantic content of soul mythologem important for modernism among its two largest representatives — A.A.Blok and I.F.Annenskiy. The study is carried out on the material of the article by A.A.Blok "The Soul of the Writer" (1909) and a prose poem by I.F.Annenskiy "My Soul" (1908). The initial situation for both poets is common — the isolation of the writer's personal soul. Meanwhile, with the external similarity of the subject of comprehension, the study reveals, first of all, the differences in the understanding of the "soul" of the creator and the way to overcome the closeness of the personal writer's soul by the two authors. The analysis has shown that the Blok interpretation of the soul mythologem is correlated with its main author's myth about the World Soul, in merging with which he sees the dramas of individualism. Only by capturing its cosmic rhythms, the writer's soul, according to Blok, is able to find a genuine path. Unlike Blok, Annenskiy considers the soul mythologem in the system of moral and psychological coordinates, which is confirmed by the distinguished motive of the suffering of the soul. The resolution of both internal and external suffering for Annenskiy is possible not metaphysically (as for Blok), but only aesthetically, creatively.

Keywords: A.A.Blok, I.F.Annenskiy, mythologem «the soul of the writer», overcoming individualism, author's myth, aestheticism.

Сведения об авторе. Татьяна Васильевна Игошева — доктор филологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела новейшей русской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, (Русская литература); ORCID: 0000-0001-7988-204X; tigosheva@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.11.2021. Принята к публикации 20.11.2021.

Ссылка на эту статью: Игошева Т.В. Две души: мифологема души в статье А.Блока «Душа писателя» и стихотворении в прозе И.Ф.Анненского «Моя душа» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6(39). С. 712-716. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).712-716

For citation: Igosheva T.V. Two souls: the soul mythologem in A.A.Blok's article "The Soul of the Writer" and I.F.Annenskiy's prose poem "My Soul". *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 6(39), pp. 712-716. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).712-716